

Кубатура. - 2000. - 13-19 апр. - с. 8

Все, что могли

Ретроспектива о войне

Когда мы в Конфедерации союзов кинематографистов задумали ретроспективу фильмов, посвященных 55-летию Победы (сегодня речь пойдет о тех, что были сделаны в военные и первые послевоенные годы), стали вспоминать, пересматривать старые ленты, подтвердилось многое из того, что было известно, но начало подзабываться в силу разных причин. К примеру, что фильмы тех лет создавали, собравшись вместе, кинематографисты всей великой страны, разных ее республик. Когда были оккупированы Киев и Минск, когда фашисты рвались к Сталинграду и Москве, стояли под стенами Ленинграда, выдающиеся картины противостояния нашествию снимались в Алма-Ате, Ташкенте, Ашхабаде, Душанбе, Тбилиси, Баку, Ереване. И сыграть с такой духовной, художественной мощью ненависть к оккупантам, как это сделала Вера Марецкая в картине "Она защищает Родину", почти неземную святость самопожертвования, как Наталия Ужвий в "Радуге", всепобеждающую нерушимость солдатской дружбы, как Борис Андреев и Марк Бернес в "Двух бойцах", и такую любовь, которая оказалась сильнее войны, как Валентина Серова и Борис Блинов в "Жди меня", удавалось потом редко кому.

Самое сложное в работе над ретроспективой — это отбор. Сразу отказались от эпопей, в разные годы представлявших разные исторические концепции событий, — и все равно сложно. Да, существовала идеологическая установка: кино должно служить делу Победы, предотвращению гибели великой страны, и, разумеется, ни у кого не было потребности работать вне этой идеологической установки, тем более противостоять ей. Однако, вглядываясь в экран тех лет, отчетливо понимаешь, что были фильмы, к которым нынче относишься с профессиональным интересом, не более, и были другие, где художник оказывался больше, иногда неизмеримо больше идеологической установки и умел выразить откровения столь личного свойства, которые поражают и по сей день.

Хотелось представить именно такие работы, о некоторых я уже упомянул и не говорю подробно потому только, что они у многих на виду, на слуху, телеэкран сохраняет их в нашей памяти. Но открываются новыми гранями, ленты почти забытые — и забытые, как оказывается, глубоко несправедливо.

Сказанное не относится, конечно, к прославленным "Солдатам" Александра Иванова, вышедшим в один, 57-й, год с калатозовскими "Журавлями", но кто помнит его "Подводную лодку Т-9", снятую на Бакинской киностудии в 1943 году? Кто, кроме зрителей Малого зала Киноцентра, где проходит ретроспектива, оценит сегодня, как снято (при технических возможностях явно минимальных) операторами Ренковым и Дадашевым на Каспии Северное море, неравные бои маленькой субмарины с элитными кораблями германского флота? И кто увидит лицо командира лодки Кострова — Олега Жакова, прикипевшее к перископу? Актер габенковского склада (а может, Габен — жаковского?) сыграл здесь одну из лучших своих ролей. Храбрость, мужество — да, это удавалось многим, но и еще нечто, идущее из глубины русской традиции, русской культуры, русской военной литературы. Капитан Костров оказался в ситуации, когда боевое задание почти невыполнимо, но он должен его выполнить — для него это вопрос чести или бесчестия. А вот вопрос сохранения собственной жизни, в отличие от жизней товарищей, в тот момент не существовал вовсе. Хотя, конечно, очень хотелось жить. Именно о моральных традициях русского общества, об их незыблемости и незыблемости, какие бы ценности вокруг нас ни рушились и ни подвергались сомнению, сделал свой фильм 43-го года Александр Иванов и Олег Жаков.

Александр Гаврилович Иванов — вообще, по-моему, режиссер недо-

оцененный. В 1949 году он снял "Звезду" по скромной и честной повести Казакевича — о маленькой группе разведчиков, которая ушла в тыл врага, сумела передать нужные сведения, но не сумела вернуться. Выпущена лента была в 53-м году с наскоро приделанным, аляповатым оптимистическим финалом. Финал вполне соответствовал идеологическим установкам, года, наверное, с 46-го основательно поменявшимся. Фильм захватывает упрямой и негромкой правдой атмосферы, деталей, штрихов, которая, оказывается, и в ту жесткую идеологическую пору умела противостоять надвигающейся помпезности, парадности. Многое из того, что было в "Звезде", пусть в несовершенстве, в зачатке, произошло потом не только в "Солдатах", но в великой нашей военной кинематографии конца 50-х, 60-х, 70-х годов.

Одну из ролей сыграла в "Звезде" молодая актриса Ирина Радченко. Неплохая актриса, можно было бы сказать, если бы не увидеть ее в фильме "Однажды ночью", снятом Борисом Барнетом на Ереванской студии в 44-м году.

Барнет приметил и пригласил в свой фильм студентку ВГИКа, располагавшегося в ту пору в Алма-Ате. Лента, снятая по сценарию Федора Кнорре, рассказывает о том,

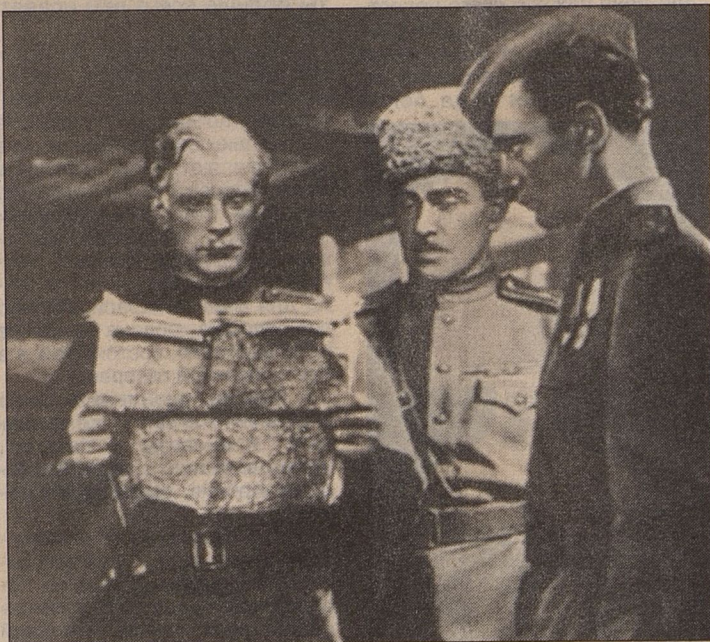
как девочка Варя прячет в оккупированном городе на чердаке полуразрушенного дома раненых летчиков с подбитого немцами самолета. В фильме есть и наивность, и странные условности, когда, например, карикатурно показанные оккупанты без затруднений объясняются с жителями города на русском языке. Но дело не в этом.

Летчиков ищут с мотоциклами и собаками, а Варя радуется, что ее взяли уборщицей в учреждение, расположившееся в том самом доме, где чердак, и она может украдкой там бывать, приносить еду и лекарства. Немецкий ефрейтор заподозрил что-то, поднялся на чердак, а он завешан сохнувшими на веревках простынями, выстиранными Варей. Простыни напоминают саваны. Варя, из последних сил подавляя страх, судорожно стягивает веревку в руках, прижимает к себе так, что образуется петля, напоминающая те, что используются на виселицах. Девушка улыбается жалко и испуганно, умоляюще смотрит на немца: я маленькая, убогая, одинокая, в стареньком, ветхом платишке, я стираю для вас белье и мою полы, что же вам еще от меня надо? И глубокий обморок, когда немец наконец уходит, не заметив ничего подозрительного.

Все правда: совсем беззащитная и совсем одинокая. Училась в школе, где теперь немецкое учреждение, фашисты убили сестру и маму, потом девушку тоже убили. Нет, как полагалось в кино, подпольной партийной организации и комсомольской тоже нет. Появление раненых летчиков, сострадание к молодым, беспомощным, покалеченным мужикам-защитникам, необходимость выхаживать их — это для нее еще и избавление от одиночества в пустом, мертвом городе, — одиночества, которое страшнее опасности быть пойманной на месте преступления, убитой.

— Вы думаете, мне трудно с вами? А мне, наоборот, — торопливо говорит она старшине Христофорову — Борису Андрееву: он уже окреп настолько, что может уйти, пробираться к своим. И когда в ответ на это робкое признание в любви Христофоров протягивает ей бумажку со своим новосибирским адресом, лицо Вари озаряется счастьем. Такая вот первая любовь, посреди разрушений, горя и гибели.

На экране много крупных планов Ирины Радченко. И когда наблюдаешь на этом юном лице с огромными глазами мгновения счастья, отчаяния, смертельного страха, мелькает мысль, что хрупкая психика девушки может не выдержать свалившихся на нее перегрузок. Тем прекраснее и трагичнее секунды, когда Варя, думая, что в укрытии еще остался один из ее подопечных, закрывает собой дверь на чердак — от собак, штыков, автоматов, озверевших солдат. И тем страшнее, когда Христофоров, вернувшись с освободившимися город войсками, находит полуживую Варю и видит ее поседевшие волосы

Кадр из фильма "Звезда"

как девушка Варя прячет в оккупированном городе на чердаке полуразрушенного дома раненых летчиков с подбитого немцами самолета. В фильме есть и наивность, и странные условности, когда, например, карикатурно показанные оккупанты без затруднений объясняются с жителями города на русском языке. Но дело не в этом.

Летчиков ищут с мотоциклами и собаками, а Варя радуется, что ее взяли уборщицей в учреждение, расположившееся в том самом доме, где чердак, и она может украдкой там бывать, приносить еду и лекарства. Немецкий ефрейтор заподозрил что-то, поднялся на чердак, а он завешан сохнувшими на веревках простынями, выстиранными Варей. Простыни напоминают саваны. Варя, из последних сил подавляя страх, судорожно стягивает веревку в руках, прижимает к себе так, что образуется петля, напоминающая те, что используются на виселицах. Девушка улыбается жалко и испуганно, умоляюще смотрит на немца: я маленькая, убогая, одинокая, в стареньком, ветхом платишке, я стираю для вас белье и мою полы, что же вам еще от меня надо? И глубокий обморок, когда немец наконец уходит, не заметив ничего подозрительного.

Все правда: совсем беззащитная и совсем одинокая. Училась в школе, где теперь немецкое учреждение, фашисты убили сестру и маму, потом девушку тоже убили. Нет, как полагалось в кино, подпольной партийной организации и комсомольской тоже нет. Появление раненых летчиков, сострадание к молодым, беспомощным, покалеченным мужикам-защитникам, необходимость

и остекленевшие, в пространство уставленные глаза, в которых на мгновение — или показалось только? — промелькнуло, засветилось что-то живое, прежде...

Актерский тип редкостный, составляющий вспомнить не о колхозницах, активистках, спортсменках, а о героинях "Бедных людей", "Униженных и оскорбленных". Резко отличный, скажем, от актерского типа Марины Ладыниной или Лидии Смирновой, талантливых, замечательных, всенародно любимых — и пришедших ко времени. Ирина Радченко с ее обнаженными нервами, потаенным и неустойчивым внутренним миром ко времени не пришлось, о чем свидетельствует дальнейшая несложившаяся кинематографическая судьба. А может быть, весь свой актерский, душевный потенциал она вложила в эту первую роль, которую риску называть выдающейся?

После "Однажды ночью" и "Звезды" след теряется. Об этом я сказал на пресс-конференции, посвященной началу ретроспективы.

— Ира Радченко? — послышался вдруг голос Любови Соколовой, присутствовавшей на встрече. — Помню я Иру. С ума сошла. Заперлась в квартире, никого не пускала. Мы дырку в двери сделали, еду ей подавали через дырку...

Время было такое, многие отдавали войне и победе все, что могли, не заботясь о том, сколько останется и что будет дальше.

Вот и Ирина Радченко — отдала, наверное, все, что могла.

Константин
ЩЕРБАКОВ